УДК 165.24

Фидченко Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского государственного педагогического университета
тел.: (495) 438-17-26

Fidchenko Elena Vladimirovna

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University
tel.: (495) 438-17-26

METHODOLOGICAL REVIEW: СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ (ЧАСТЬ II)

В данной статье, в продолжение осуществленной работы, рассматриваются и анализируются когнитивные практики применения коммуникативного действия в гуманитарном познании. Исследование частного научного характера осуществлено на примере филологической области знания. В качестве перспектив метаанализа, намечаются конвенциональный и онто-диалогический подходы.

Ключевые слова: **теория познания, методология, филология, герменевтика, коммуникативное действие, конвенция, онто-диалогический.**

METHODOLOGICAL REVIEW: SPECIFICITY OF THE PROBLEM FIELD OF THE THEORY OF COMMUNICATIVE ACTION (PART II)

In the article in continuation of the performed work the cognitive practices of applying communicative action in humanitarian cognition are discussed and analyzed. The research of the private scientific nature is carried out using the example of philological sphere of knowledge. Conventional and onto-dialogical approaches have been laid down as prospects of meta-analysis.

Key words: **theory of knowledge, methodology, philology, hermeneutics, communicative action, convention, onto-dialogical.**

Статья написана в рамках работ по грантовому проекту «Развитие научного потенциала высшей школы» Министерства образования и науки Российской Федерации (6.3041.2011 – «Исследования эпистемологических и историко-философских концепций в философии и гуманитарных науках»).

Процессуальная проблема качественного взаимодействия коммуникативного согласия с конвенциональным соглашением – это один из наиважнейших аспектов методологии применения концепции коммуникативного действия в гуманитарном познании. Она основывается на комплексном применении конвенционального, герменевтического и собственно коммуникативного подходов и формируется на нескольких этапах.

Соответственно, конвенции, понимание и согласие позволяют выявить эпистемологические, методологические и функциональные особенности применения коммуникативного действия, например, в частных гуманитарных (например, филологических) исследованиях.

По мнению Л.А. Микешиной, конвенция представляет собой универсальную познавательную процедуру, предполагающую «введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов» [1, с. 119]. В такой формулировке определение конвенции отражает её сущностную когнитивную и деятельностную природу, побуждая при этом включить исследование данного феномена в познавательно-философский контекст.

Как мне представляется, дефиницию конвенции можно рассмотреть еще и с позиции собственно коммуникативной теории. В подобном случае конвенция выступает в роли целевой коммуникации, результатом которой становится достижение консенсуса (согласования) между акторами. В подобном соединении эпистемологического и коммуникативного аналитических подходов видится возможность постановки и разрешения ряда существенных вопросов относительно природы и методологии заключения коммуникативного соглашения.

Преодоление частичного характера кооперативного соглашения на стратегической стадии взаимодействия переводит его в статус конвенции. При этом конвенциональная коммуникативная практика реализуется и актуализируется посредством консенсуса (согласования) и диссенсуса (рассогласования). Диссенсус рассматривается мной в качестве контекста достижения консенсуса (или выхода из него), а также проявляется в виде конвенциональной критической точки, способствует в качестве двигателя процессу прогрессирования конвенциональной системы и выступает в роли своеобразного критерия объективации норм критического мышления.

Конвенция с помощью консенсуса/диссенсуса приближается к границе коммуникативного действия и, пройдя через процедуры понимания и одобрения, встраивается в его структуру.

На постконвенциональной ступени коммуникативной практики появляется моральная доминанта в качестве гаранта соблюдения установленных на предыдущих стадиях коммуникации принципов и условий. По моему мнению, в дискурсе конвенционального анализа формируется следующая коммуникативно-действенная максима: коммуникация всегда будет успешной, если в качестве цели ее рациональных мотивов будут выступать понимание и согласие.

В целом, конвенциональная практика действия, переходя в сферу коммуникативной рациональности, логико-операциональный, методологический и аксиологический варианты своих проявлений выводит на эпистемно-социоонтологический уровень преобразований.

Общие основания философской теории коммуникации рассмотрены специализирующимися в соответствующих областях исследователями: Катлипом, Г. Брумом, А. Сентером (концепция «паблик рилейшнз»); М. Прайсом (проблемы коммуникации и «масс-медиа»); Г.Г. Почепцовым (концепция и проблемы философской теории коммуникации), В.П. Териным (вопросы массовой коммуникации в России и на Западе); А.В. Дмитриевым, В.В. Латыновым, А.П. Комаровым (проблемы коммуникации в экономической и политической сферах); Б.А. Борисовым (теория коммуникации рекламных технологий); Г.В. Гриненко (концепция сакральной коммуникации); А.П. Панфиловой (проблемы коммуникации в профессиональной деятельности) и др.

Если переместить задачу дальнейшего обзора в исследовании к анализу герменевтических оснований коммуникативно-действенного процесса в гуманитарном познании, то результаты ее решения проявятся в следующем.

В широком значении, герменевтика определяется как общая теория понимания и интерпретации текстов; в более частных случаях она выступает в качестве базовой методологии, например, в философской герменевтике или рассматривается как один из методов анализа, что характерно для философских и филологических исследований.

Задача философской герменевтики сводится к пониманию и интерпретации текстов, знаковых систем, символов для постановки и решения проблемы языка в теории познания. Важнейшими понятиями в герменевтике, вычленяемыми из данного выше определения, являются понимание и интерпретация. Так, понимание для М.М. Бахтина представляется «видением смысла в качестве живого переживания и выражения». Такая позиция интересна при том, что центральным предметом гуманитарных наук, по мнению исследователя, является «выразительное и говорящее бытие». Из данного тезиса становится ясным, почему освещение вопроса методологии применения коммуникативного действия структурно построено именно таким образом: следованием за бытием говорящим (филологическая, философско-коммуникативная и герменевтическая практики) и бытием выразительным (филологический, лингвистический и литературный мир художественного слова).

Что касается интерпретации (истолкования), то она выступает в роли операционально-методологической процедуры выявления смысла анализируемого текста [4, p. 162-163]. Онтологизация данного феномена проводится на уровне приравнивания его к способу бытия в духе философии М. Хайдеггера.

Герменевтика имеет дело с трояким отношением высказывания, когда актор вступает в отношения с чем-то наличествующем в объективном, субъективном и социальном мирах. При этом интеракция в герменевтическом контексте является прямой реализацией прагматической функции языка и обладает перформативным характером. Контекст коммуникативного действия способствует интерсубъективному оформлению взаимодействий акторов коммуникации с позиции троякого соотношения высказывания с притязаниями на истинность, правильность и правдивость [3, с. 91-92].

По моему мнению, герменевтическое понимание, наряду с согласием, является целевой реализацией проекта коммуникативного действия. В системе герменевтико-коммуникативной рациональности весьма значимую роль играют синтагматические и парадигматические проявления интеракционного потенциала коммуникативного действия. Гарантом адекватной интерпретации и понимания в герменевтической практике является познавательный критерий, на постконвенциональном уровне определяемый как норма и включающий в себя элементы преконвенционального закона и конвенционального «чувства меры», а также опирающийся на основания «чувства прекрасного» [2, с. 233-234].

Таким образом, рациональные мотивы феномена коммуникативного действия находят свое применение в герменевтической теории, а герменевтическое понимание является коммуникативной основой гуманитарного познания.

Один из важнейших этапов исследования может быть представлен анализом методологических и функциональных особенностей применения концепции коммуникативного действия в частных гуманитарных (филологических) исследованиях. Это весьма целесообразно, поскольку филологическая область знания большое внимание уделяет процессуальной стороне речевой деятель-

ности и словесного творчества.

В филологии проблематика частнонаучного гуманитарного познания представлена, как правило, двумя базовыми отраслями: литературоведческой и языковедческой. Исторически и методологически в отечественной и зарубежной традициях они подкрепляются следующими позициями: концепцией «исторической поэтики» А.Н. Веселовского, идеями обусловленности внутрилитературных процессов историческими преобразованиями С.С. Аверинцева и Д.С. Лихачева, теоретико-литературными построениями Г.Н. Поспелова, концепцией «формализации» литературного процесса Ю.М. Тынянова и В.Б. Шкловского, семиотической систематизацией гуманитарных процессов Ю.М. Лотмана, определением гносеологического базиса историко-теоретического развития литературы И.Ф. Волкова, проекциями традиционных методологических тенденций на современное литературоведение А.П. Ауэр и К.А. Баршта, а также теорией структурного анализа языка от фонемного до синтаксического уровня Ф. де Соссюра, концепцией лингвосистематики А.А. Потебни, теорией лингвоисторических построений В.М. Жирмунского, идеей внешне- и внутрилингвистических взаимодействий Р.О. Якобсона, теорией лингвосистемообразований В.В. Виноградова.

Данные исследовательские позиции тесно связаны с разрешением проблем языковой и риторической коммуникации, над которыми работают И.И. Арзамасцева, Н.С. Кедрова, Н.А.Безменова (позиция поиска нового идеала рациональности в контексте прагмалингвистических коммуникаций); А.Д. Васильев, В.З. Демьянков, Д.Д. Дуйсенбеков (проблема установления онто-методологического и герменевтического ориентиров в исследовании прикладной и теоретической лингвистики); Е.П. Захарова, И.А. Зимняя, (позиция определения критерия равновесного соотношения категориального и семантического уровня лингвистических исследований); В.В. Красных, Г.И. Лушникова, М.Н. Петров (проблема систематизации лингвокогнитивных аспектов речевого акта). И это далеко не окончательный список.

Коммуникативное действие, как мне кажется, раскрывается в максимуме своих особенностей именно в гуманитарных науках, поскольку зарождение и эволюция представлений о нем, а также оформление закономерностей его проявления и функционирования принадлежит данной области познания. Кроме того, гуманитарным наукам присуща неразрывная связь со спектром проблем социального познания, что, безусловно, способствует комплексному и органичному проявлению специфики методологии коммуникативного действия в обозначенном исследовательском контексте.

Концепция социогуманитарного характера, каковой является теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, способна «говорить» с отраслями гуманитарного познания на одном «языке». Присущие ей изыскания, например, общего герменевтического и частных лингвистического, исторического, психологического, социологического или иного порядка, в достаточно полной мере выражают подобную «диалогическую» связь. В таком диалоге рождается консенсус, способный вывести межгуманитарные отношения на принципиально новый уровень взаимодействий, где, преодолевая с помощью диссенсуса самое себя, соглашение в гуманитарном познании сможет перейти в стадию постконвенционального коммуникативно-действенного согласия.

Относительно филологического аспекта методологии применения коммуникативного действия следует сказать, что он представляет частные гуманитарные исследования не случайно, поскольку содержит мощный потенциал выражения взаимоотношений, далеко выходящих за рамки и кажущейся очевидной общности «языкового» поля, и собственно терминологической концептуальной преемственности. Значение филологии не исчерпывается буквальной интерпретацией ее как «любви к слову»; такая «любовь» трактуется расширительно, выступая в качестве субстанциональной основы слова, прочувствованности процесса словотворчества, его понимания, экологии, созерцания.

Словесное «языковое» поле есть контекст контекстов любого онтологического построения. Познавательные, научные и художественные воплощения языка представляются в нем и как уникальные рефлексивно-репрезентативные и интерпретационные системы; и как сложнейшие по замыслу и построению и, по большей части, простые в применении универсальные шифрующие/дешифрующие знаковые механизмы, схемы и модели; и как шедевры фиксации достижений творческого ума и генерации неординарной мысли. Глубинный смысл филологии, очевидно, заключается в «любви» к создающему слову, то есть к слову в действии. Это значит, что филологическая область знания большое внимание уделяет процессуальной стороне речевой деятельности и словесного творчества.

В частности, циклу лингвистических и литературоведческих дисциплин присуще освещение истоков, процесса и перспектив развития представлений о коммуникативном действии вплоть до становления и преконвенциональной стадии существования, поэтому следует признать справедливой и обратную ситуацию, когда собственно концепция коммуникативного действия способствует оптимизации процесса разрешения внутри- и межфилологических противоречий в области методики, прагматики и методологии гуманитарного исследования. Например, согласно тезису об органической взаимосвязи

ведущих филологических дисциплин следует признать, что многие из проблем, сводимых лишь к разделению сфер влияния между ними, могут быть решены совместно в метааналитическом поле коммуникативно-действенной рациональности.

Итак, в контексте коммуникативно-действенной организации филологической науки акторами может быть достигнуто взаимное понимание, согласие и познание жизненного мира вследствие установления истинности предмета исследования, правильности коммуникации и правдивости конституируемых отношений.

В целом позиция презентации теории коммуникативного действия в контексте гуманитарного познания может быть интерпретирована как позитивная и перспективная.

И в заключение – о специфике проблемы определения эпистемологических и онтометодологических возможностей и перспектив коммуникативного действия в философии познания. Обозначенная исследовательская позиция предполагает намечает некоторую методологическую проекцию дальнейшего функционирования коммуникативного действия в философии и, в частности, в теории познания.

Оговоренное выше методологически целесообразное разделение операционального и аналитического уровней познания способствует скрупулезному изучению содержательного феномена коммуникативного действия, определению его философско-методологического статуса, выработке максимы его функционирования в качестве эпистемологического конструкта.

Так, содержательные и формальные характеристики феномена коммуникативного действия соответствуют тому, что в современной научной и философской методологии определяется в качестве термина, подчеркивающего активность, конструктивность работы научного сознания при введении в состав концептуальных структур научного знания. В ситуации, когда аналитической дискурсивной точкой концептуального преобразования системы является односложный объект можно говорить о микроуровне трансформационных изменений; в ситуации с двусложным объектом – о мезоуровне методологических исследований и, наконец, – в случае с трехсложным объектом изучения – о макроуровне проявления философско-методологических изысканий.

В качестве совершеннейших принципов построения постконвенциональных коммуникативных взаимодействий Хабермасом определяются телеодогическая верификационная практика, моральная регуляция и субъективизация взаимодействий по типу «Я – Другой». Более того, в дискурсе теории коммуникативного действия методологически принцип: «Действия говорят громче слов» семантически расширяется и трактуется как максима «Действия говорят до, после и вместе со словами, и громче что-либо сказать невозможно».

Коммуникативное действие в качестве эпистемологического конструкта соотносится с объектами порождающей реальности как онтологически равный объект, и, следовательно, потенциально стремится выйти на уровень онто-методологических взаимодействий.

Рациональная парадигма коммуникативного действия в пределах онто-методологической сферы анализа предполагает рассмотрение соотношения по типу «актор – объективный, социальный и субъективный мир» в контексте реального жизненного мира. Что касается вопроса жизнеустройства и мировосприятия актора, то он, очевидно, включает два методологических пути: рассмотрение коммуникативно-действенных возможностей участника коммуникации в жизненном мире реального и виртуального типов и исследование методологического потенциала теории коммуникативного действия в пределах изменяющихся параметров пространственно-временной организации универсума.

Вследствие этого, коммуникативно-действенная парадигма рациональности в виртуальном варианте исследования приобретает ряд важных аспектов своей характеристики, а именно: порожденность и интерактивность.

Возникает важная методологическая посылка, близкая по духу онтологии М. Хайдеггера и дескриптивной метафизике П.Ф. Стросона: в виртуальном онтометодологическом дискурсе коммуникативного действия философия, лингвистика и герменевтика смыкаются таким образом, что анализ языка становится предметом исследования, онтологический вывод – его целью, а интерпретация, референции и рефлексия – соответствующими реализующими его методами.

В терминологии системы рациональной коммуникации могут быть успешно проанализированы и подвергнуты онтометодологической интерпретации классические философские тексты, что способствует выявлению реальных и виртуальных принципов взаимодействия актора с триадичной системой организации жизненного мира в измененных пространственно-временных параметрах коммуникативного действия.

Подобная позиция представляет собой метауровень анализа, который не свойствен времени создания произведения, но является возможным; причем во многом благодаря онтометодологиче-

скому представлению о коммуникативно-действенной парадигме рациональности, способствующей разрешению проблемы поиска понимания и согласия на уровне переходности реального и виртуального типов бытия.

Познавательный и коммуникативный контексты рациональности анализируются в концепциях классической и неклассической эпистемологии В.А. Лекторского, П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошиловой; философии гуманитарного и естественнонаучного познания Л.А. Микешиной, Н.С. Автономовой, А.А. Печенкина; теории системного подхода в познании В.Н. Садовского, И.В. Блауберга, Э.Г. Юдина, А.И. Уемова; концепциях логики научного знания А.Ф. Зотова, П.В. Копнина, А.И. Ракитова и т.д. Теоретическая основа выхода коммуникативно-эпистемологической проблематики исследования на онтологический уровень заложена в работах М. Хайдеггера, Т. Лукмана, И. Пригожина, И. Стенгерс, а также В.С. Степина, Ю.М. Лотмана, Г.Г. Почепцова, М.Ю. Опенкова и др.

Вполне очевидно, что спектр анализа проблемы коммуникативного действия в гуманитарном познании весьма широк и включает информацию как смежных, так и достаточно далеких областей знания. Вместе с тем, как в отечественной, так и зарубежной исследовательских традициях, изучение масштабной и фундаментальной теории Ю. Хабермаса находится еще в начале своего пути, многие ее аспекты пока не получили должного освещения.

К сожалению, в настоящее время практически отсутствуют работы, посвященные специальному анализу применения концепции коммуникативного действия в гуманитарном познании. Важным является тот факт, что процесс решения проблемы под данным углом зрения, несмотря на определённую степень сложности, представляется целесообразным и интересным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Микешина Л.А.* Философия науки. 2-е изд. М., 2006.
2. *Фидченко Е.В.* Элементы герменевтической практики в методологии коммуникативного действия // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. Ч. 2.
3. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. / под ред. Д.В. Скляднева. СПб., 2000.
4. *Habermas J.* The Theory of communicative action / transl. by T. McCarthy. Boston, 1984. Vol. 1.